

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК **XX** И МИР

■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■

■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

В НОМЕРЕ:

ХРАМЫ И ДЕКОРАЦИИ

Духовное состояние интеллигенции

ХВАТИТ КРОВИ!

Вернадский среди «белых» и «красных»

ВИТКИ ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ

Трудной дорогой реформ

ISSN 0320 8001

1/90

IGOR SMIRNOV

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...» 2

Мы: страна в движении

М. КОНАШЕВ. КТО МЫ? 8
Ю. ХАЛФИН. ВРАГ ВНУТРИ НАС
В. АБРАМКИН. ОТ МИФОВ К РЕАЛЬНОСТИ

Проблемы и суждения

Г. ПАВЛОВСКИЙ. ПИСЬМО ИЗ РЕДАКЦИИ 17

Научная публицистика

К. КАГАЛОВСКИЙ, С. КУГУШЕВ. ВИТКИ ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ 20

Наши публикации

В. ВЕРНАДСКИЙ. «ДОВОЛЬНО КРОВИ И СТРАДАНИЙ» 24

Актуальная тема

Б. ОСИПЯК, Я. ВЕТЕСКА. ВРАЧИ МИРА В БЛОКАДЕ 31

На второй странице обложки — рисунок Игоря Смирнова; на третьей странице обложки — фото С. Чапнина: на одной из улиц Ленинграда 7 ноября 1989 года.

«Уважаемая редакция...»

Горькие воды

В сияющее утро, когда еще длился праздник Преображения, я пришел в Храм, чтобы стать крестным сразу трем сестричкам. В возвышенном состоянии духа мне казалось, что «свет без пламени струится в этот день с Фавора». Решил подарить каждой крестнице по иконке и тут увидел лежащий рядом «Московский церковный вестник» (№ 9/89), который читаю регулярно. В газете проповедь владыки Антония, одного из самых дорогих мне учителей. Проповедь словно пронизана невещественным светом. Рядом врачующие слова Феофана Затворника, прекрасная беседа отца Александра о том, как нам хранить белизну одежд. Вот, думаю, будет подарок и матери девочек.

И вдруг в глазах у меня потемнело, и в сердце кольнула боль. В малоформатной церковной газете, где по четверть странички выделено для светлых проповедей, щедро выделена целая страница для статьи Е. Коршунова о сионизме! Клеймящие, обличающие фото, злобные, науськивающие словеса. Весь этот опостылевший лексикон мрачных лет: «молодчики», «террор», «а-ля фюрер», «кочричная форма», «так называемый». Автор сражается с сионистами, расистами, экстремистами и с агентами ЦРУ. Не сам ли Князь Тьмы сажал эту черную кляксу, чтобы замарать белизну праздничных одежд?

Разумеется, в мире льется кровь и кипят газетные страсти. Но добрые пастыри всегда учили нас, что наше дело — нести людям слова любви и утешения. Может ли из одного источника течь горькая и сладкая вода? Или перед нами разные источники? Может быть, газета пригласила Е. Коршунова, автора статьи, из другой «епархии»? Я понятия не имею о том, насколько соответствует истине всё, что утверждает Е. Коршунов. Для нас истина одна — Христос. А он не метал камни в гонимую всеми блудницу и нам заповедал закон любви.

Мне тоже не милы «молодчики с автоматами». Но если церковная газета взяла на себя труд сражаться с ними, то она должна описать кубинских «молодчиков с автоматами», которые недавно вернулись с удачной операции, китайских, которые усмиряли своих студентов, арабских, что стреляют друг в друга и в христиан, которых за это наша пресса почему-то именуется «правыми». Но может быть, начнем с себя?

Разве «Церковный вестник» обызвает «молодчиками с автоматами» русских ребят из Афганистана? Разве пишет о войнах, сокрушавших поставший Будапешт, что они «штурмовики»? Разве сравнивает с гитлеровцами танкистов, раздавивших Пражскую весну?

И если мы так скорбим об искале-

ченных братьях Ислама, то почему мы не рыдаем над трупами ливанских христиан? Почему не публикуем фотографии еврейских детей, убитых и искалеченных мусульманскими экстремистами? Или нам уже не все люди братья? Или мы не знаем завета Учителя о том, что нет ни иудея, ни эллина, ни араба, ни афганца, а есть братья, дети одного Отца?

Я отдаю себе отчет, что неловко поучать редакцию, излагая такие азбучные истины. Но, как сказано на странице 7-й той же газеты, «когда критика становится презрительной и циничной, когда высказывается бесстыдно и лишь на верующих не распространяется уважение и почтение

критикующих к ближнему, то на это надо реагировать». Если мы так требовательны к атеистам, не должны ли быть еще более требовательны к себе?

Мне бы хотелось, чтобы мой голос был услышан, потому что мы не имеем права на одной странице учить любви, а на другой, изламывая сознание читателей, учить их ненависти. Ложка дегтя портит всю бочку меда, и капля уксуса створаживает все молоко. Не окажется ли из-за таких статей весь источник горьким?

И. СОМОВ,
прихожанин Знаменской церкви,
г. Москва.

Новые времена

В июльском интервью журналу «Огонек» А. Д. Сахаров сказал, что наряду с военным и правопартийным переворотом, аналогичным смещению Хрущева в октябре 1964 года, «возможны также аналогичные ситуации, не связанные со сменой руководства страны». Сентябрьский Пленум ЦК КПСС, в значительной мере посвященный национальному вопросу, весьма показателен в этом отношении.

Я не сторонник того, чтобы излишне драматизировать случившееся, и думаю, что это — не самый худший вариант попытки стабилизировать процесс авторитарной модернизации. После шокирующего Заявления ЦК КПСС 26 августа многие ожидали едва ли не военного вмешательства Москвы в события, происходившие в прибалтийских республиках. Тем не менее удалось обойтись, судя по все-

му, политическим прессингом центра на руководство республиканских компартий.

Собственно говоря, чрезвычайное положение уже введено. Мы уже живем при фрагментах такого положения. Самым первым шагом на этом пути было принятие в июле 1988 года указов — о митингах и о полномочиях внутренних войск — санкционировавших, как теперь стало ясно, модернизацию и наращивание внутренних войск, создание отрядов специального назначения, призванных решать возникающие то тут, то там конфликты (прежде всего на национальной почве), не прибегая непосредственно к услугам Министерства обороны.

Другим шагом на этом пути было Постановление Верховного Совета СССР «О решительном усилении борьбы с преступностью», молние-

носно принятое 4 августа, и последовавшее затем создание временных комитетов, вызывающих слишком очевидную ассоциацию с Чрезвычайными комиссиями на заре Советской власти. Если раньше подключение к борьбе с уголовной преступностью органов государственной безопасности происходило в основном на оперативно-вспомогательном уровне, когда дело касалось особо важных преступлений, то теперь взаимодействие КГБ и МВД предполагается более тесным. Это нехарактерная черта для современного периода, когда КГБ как будто целиком переключился на аналитическую работу, отдав МВД некоторые свои оперативные функции. Примерно к этому времени относится и инициатива создания так называемых Рабочих отрядов охраны общественного порядка (РООП).

3 октября принимается Постановление Верховного Совета «О неотложных мерах по обеспечению бесперебойного функционирования железнодорожного транспорта и базовых отраслей народного хозяйства». Задача охраны дорог и тоннелей, помимо МВД, возлагается также на Министерство обороны.

Таким образом, в стране в последнее время исподволь складывается

качественно новая политико-силовая обстановка. Вводя элементы чрезвычайного положения, правительство берет в кредит ограниченный промежуток времени, в течение которого оно должно создать механизм фундаментального решения экономических и национальных проблем. Авторитарная модернизация, называемая перестройкой, встает ныне перед жестким цейтнотом, порождаемым лавинообразной эскалацией межнациональных противоречий и нарастающим кризисом экономики. Становится очевидным, что перестройка за четыре с половиной года, решая одни противоречия, катастрофически ускоряет и порождает иные. Усиление авторитарной центральной власти в переходный период неизбежно, и применение военной силы во многих случаях (Фергана, НКАО) необходимо, хотя в других ситуациях такое применение является преступлением, как в Тбилиси. Однако военно-административные меры могут дать лишь временное и паллиативное решение имеющихся и возникающих проблем, безграничное же продление таких мер приведет страну к новому военно-политическому строю.

Андрей НОВИКОВ,
г. Рыбинск.

Средство от СПИДа?

Меня очень тревожит распространение СПИДа. Так как в нашем государстве не могут обеспечить всех больных одноразовыми шприцами, а также и другими медицинскими инструментами одноразового пользования, то нужно, я считаю, больных СПИДом изолировать от общества, как изолируются прокаженные. Иначе скоро в нашем государстве начнется эпидемия СПИДа.

Сейчас зубные больные боятся ходить в стоматологические поликлиники — ведь при лечении всегда появляется кровь. Женщины боятся

ходить к гинекологу, больные — ложиться в больницы, так как из-за отсутствия инструментария одноразового пользования нет гарантии, что в больнице они не будут заражены СПИДом.

Считаю, что в данной ситуации есть один выход: изолировать всех больных СПИДом в спецлагеря, и всех инфицированных — туда же! Эти меры, конечно, жестокие по отношению к небольшой кучке людей, станут благом для всех остальных.

Н. М. ПОРТНОВА,
г. Ташкент.

Надо выжить

«Без атомной энергетики нам не выжить»,— так ответил Михаил Горбачев на вопрос рабочих объединения «Ижорский завод» в Ленинграде о перспективах развития атомной энергетики. Такая установка устраивает ведомства, ответственные за Чернобыль и планирующие удвоение мощности ядерной энергетики в СССР в течение 10 ближайших лет.

Существует и противоположное мнение — о недопустимости наращивания ядерной энергетики в стране из-за ее крайней опасности. Прогнозы апологетов атомной энергетики оказались несостоятельными. Были обещаны неограниченные потоки дешевой, экологически чистой энергии — обещания эти оказались мифами! Атомная энергия лишь частично утоляет энергетический голод, она очень дорога, если учесть полную стоимость добычи и переработки урана, собственно АЭС, захоронения отходов, ликвидации отработавшего оборудования.

Особо несостоятельным оказался миф о безопасности и экологичности атомной энергетики. Эти иллюзии похоронил Чернобыль. Сотни тысяч людей в Белоруссии, на Украине, подвергнувшись чрезмерным дозам, покинули свои дома и переселяются на другие земли.

Итак, перед нами поставлен вопрос: **можно ли нам выжить без атомной энергетики**, хотя бы в ближайшие 10—20 лет? Если да, то каковы пути отказа от наращивания, а то и существенного уменьшения мощности атомной энергетики?

В нашей стране на единицу готовой продукции в среднем расходуется значительно больше энергии, чем в промышленно развитых странах. Если сократить расход энергии на единицу продукции хотя бы на 20 процентов, то упадет потребность в атомной энергетике. Почему это направление решения энергетической проблемы страны вообще не развивается? Главное — основные ведомства, ответственные за энергос-

набжение страны (Минэнерго, Минатомэнергопром и др.), в этом не заинтересованы. Дело это должен организовать Совмин, Госплан. Но они не сумели сдвинуть его с мертвой точки, организовать повсеместную, во всех сферах народного хозяйства, работу по энергоснабжению. Поэтому и выделяют огромные средства атомным ведомствам.

Во-вторых, необходима перестройка структуры нашей экономики от энергоемких, ресурсопожирющих отраслей — к отраслям для человека. Хорошо известно, что мы производим удобрений, стали, добываем газа, строим шагающих экскаваторов, тракторов, комбайнов больше, чем любая другая страна мира, а продуктов питания, товаров народного потребления на душу населения существенно меньше, чем многие страны. Улучшение экономических отношений в нашей стране приведет к существенному снижению нерационального использования энергии.

В-третьих, можно существенно повысить экономичность и экологичность топливной энергетики, если переключить именно сюда средства, выделяемые сегодня на атомную энергетику. Ведь работа по уменьшению выбросов электростанций, потребляющих органическое топливо, ведется вяло. Имеются большие возможности уменьшения вредных экологических воздействий топливной энергетики.

В-четвертых, более широкое использование нетрадиционных источников, хотя они лишь частично могут покрыть потребность в энергии, полностью сбрасывать их со счетов нельзя.

И, наконец, формирование экологически разумного, энерго- и материально-сберегающего образа жизни людей. Для этого необходима программа формирования экологически допустимых, разумных потребностей. Человек должен сберегать невозполнимые ресурсы, не наносить вреда природе. Многим представ-

ляется, что формирование разумных потребностей человека — проблема неразрешимая. Но весь опыт человеческой цивилизации свидетельствует об обратном: человеческие потребности можно формировать. Ядерная опасность диктует человечеству путь выживания: энергосберегающий образ жизни каждого человека на земле.

Для утверждения, что АЭС жизненно необходимы в ближайшем будущем, нужно **доказать**, что указанные выше направления не смогут обеспечить снижение расходов энергии, достаточное для отказа от АЭС. Необходимо проделать комплексную работу на уровне Совета Министров и Госплана СССР с включением в нее многих отраслевых и академических институтов. При этом необходимо организовать общественное обсуждение методологии проведения этой работы и ее результатов. Пока

эта работа не проведена, точку зрения М. С. Горбачева на роль атомной энергетики мы вправе считать необоснованной.

В нашей стране мнение Генерального секретаря имеет зачастую большую силу, чем общественное мнение. Поэтому его оценка роли атомной энергетики, даже если она и неверна, укрепляет тех, кто сотворил Чернобыль, кто построил Армянскую АЭС в опасной сейсмической зоне, кто начал строить Крымскую АЭС в районе, где возможны девятибалльные землетрясения, кто стремится к интенсивному наращиванию мощности атомной энергетики, не считаясь ни с тем, что мы думаем, ни с тем, чего надо бояться.

Ефим ТАУБМАН,
профессор Одесского института
низкотемпературной техники и
энергетики,
г. Одесса.

Прожиточный минимум нервов

Меня очень тронуло письмо «Близкие издалека» Аси Фомченко (№ 7/89). Самой в минуты отчаяния хотелось, без шуток, обратиться прямо в ООН, в Комиссию по правам человека. А что делать, когда перед тобой стена, которую лбом не прошибешь? Ася пишет: «... мне на каждом шагу дают почувствовать, что мы с дочерью никому не нужны...»

Я с полным основанием могу присоединиться к ее словам. У самой не раз мелькала та же мысль. Только у меня пятеро детей. Пособие — 10 рублей на четвертого и пятого. Четвертому четыре с половиной года. Стало быть, через полгода всего 6 рублей. Трое дошколят, младшей — два с половиной, старшая — студентка техникума, живет в другом городе в общешитии, но ее стипендия считается доходом семьи, хотя на 30 рублей прожить невозможно. Старшему сыну как-то в третьем классе давали бес-

платные завтраки полгода, потом они прекратились. Больше никакой помощи от школы.

В очереди на квартиру (живем в ветхом деревянном доме без газа и ванной на 34 кв. м всемером и еще бабушка) стоим на работе с 75-го года, а в горсовете — с 86-го.

Вы думаете, нам с мужем нужны подачки (не секрет, что к матерям-одиночкам и многодетным по-разному относятся)? Нет, надоело справки собирать. У нас ни магазина, ни других льгот. И бесконечные унижения. Нет, лучше самим как-то выкручиваться.

Главное, я не чувствовала себя нужной и счастливой и с одним, и с двумя детьми. На работе неприятности из-за больничных, бесконечные справки в поликлиниках, отводишь полубольных детей в ясли, в сад,рываешься между домом и работой, дергаешь и детей, и себя, обреме-

няешь мужа... Ради чего?

И все то же чувство ненужности никому, несмотря на большую самоотдачу. Ни ты, ни твои два языка никому не нужны. Ты — не дефицит.

Может, сейчас по-другому? И я решила целиком отдавать свои силы и любовь семье. Не стоит отчаиваться. Если обществу не нужны мы и наши дети (в еще большей степени, со здоровым эгоизмом, оно отвергает больных детей, других инвалидов с детства, вообще инвалидов, в том числе «афганцев» и престарелых), будем объединяться. За эти годы я поняла: обществу нужны работники, но не дети, не старики. Если оно может требовать от женщины, чтобы она ежедневно предавала своих близких ради призрачных благ и общественной трудовой повинности (за символическую плату), то общество обречено, мы придем к людоедству.

Общественное движение милосердия — это хорошо, но слишком мало. Государство должно изменить свою социальную политику гораздо сильнее, чем сейчас. И дать женщине право выбора и социальный комфорт. Сейчас же многие считают меня бездельницей (не работаю!), а то, что я экономлю государству кру-

гленькую сумму денег, обходясь без больничных и детских учреждений с их дотациями, никому не приходит в голову. У меня 18-летний стаж, и я получу когда-то мизерную пенсию.

Конечно, я захочу работать, как только дети станут самостоятельными. И, возможно, они не отправят меня в казенное заведение в старости. Хотя что особенного? Отправляли же родители детей в нежном возрасте в ясли, когда они, бедные, ревели и цеплялись за них. Мы так заботимся об их воспитании! А они так быстро вырастают. Мы же не успеваем ими насладиться. И какой образ у них перед глазами. Целый день вместо материнского — чужой тети, с матерью потом скорее домой через магазины, ужин, телевизор, «Спокойной ночи, малыши» вместо маминной сказки или песенки и — марш в постель. Утром все сначала: спешка, слезы и т. д.

Но кажется, я увлеклась. А написала потому, что хотела послать Асе маленькую посылочку — грибы, которые собрали летом в деревне и засушили в русской печи. Не нужно замыкаться в себе. Будем жить!

А. ШАБЕЛЬНИКОВА,
г. Щелково Московской области.

Помогите!

Необходимо в перестройку вливать новые силы. Одна из таких сил — зарубежные соплеменники, с помощью которых свои экономические проблемы разрешают Польша, Венгрия и другие страны. Нужно бы обратиться к ним.

Уважаемые русские люди! Приезжайте к нам со своими знаниями менеджмента, науки и культуры. Помогите нам впитать свежий воздух научно-технического прогресса и идей во всех областях науки и техники. Открывайте у нас совместные предприятия, работайте с кооперати-

вами, читайте лекции, личным примером вовлекайте нас в перестройку нашего дома, чтобы он был ближе к европейскому и мировому сообществу.

Победа над бюрократией нужна нам и вам. Мы, пожалуй, единственная крупная крепость, которая может остаться в старых временах классовых битв, если перестройка не осуществится. Мы ждем вашей помощи.

Михаил ГАНЗИН,
г. Саратов.

Духовная атмосфера перестройки

КТО МЫ?

Михаил КОНАШЕВ

К знаменитым вопросам российской интеллигенции («Кто виноват?», «Что делать?», «С чего начать?») XX век прибавил немало новых. Сначала: «За что боролись?», затем совсем недавно: «Что же с нами?», «Куда идем?», «Кто он?»... В последнее время приобрел особую актуальность — риторический вопрос «А судьи кто?». Но особняком, как бы возвышаясь над другими новыми и новейшими вопросами, все же стоит: **Кто мы?**

«Мы» — ключевой термин при анализе исторического прошлого страны, как и при попытке разобраться в ее настоящем. Глубоко символично, что Е. Замятин назвал свой роман «Мы», и этот роман был одним из первых в возвращаемой нам литературе.

Если приглядеться и прислушаться, то окажется, что «мы» царит в любой речи, начиная с официальных выступлений и кончая не всегда литературной полемикой в очередях. Вот, например, лишь малая часть высказываний М. С. Горбачева на последнем Пленуме ЦК КПСС 19 сентября с. г.: «Все мы с детства росли в общественной атмосфере, буквально пропитанной интернационализмом»; «Мы исходим из того, что нынешнее национально-территориальное деление не является препятствием для того, чтобы люди всех национальностей могли нормально жить в любом уголке страны»; «Мы на правильном пути и должны быть твердыми, защищая главные направления политики перестройки»; «Но реальная жизнь, перестроечные процессы идут в таком темпе, что мы зачастую не успеваем за ними»; «Мы обсуждали этот вопрос в Политбюро и пришли к следующему»...

Так кто же «мы»? Еще вчера «мы» единогласно поднимали руки на собраниях и съездах, благодарили за заботу «нашу родную коммунистическую партию», кри-

чали «Ура!» и «Да здравствует КПСС!» на демонстрациях. И еще вчера «мы» же рассказывали на тех же демонстрациях политические анекдоты, единогласно приспособившись (кто как мог) к проклятой действительности, жили сегодняшним днем и не ждали ничего от будущего. «Мы» те, кто единодушно осудил отщепенца академика А. Д. Сахарова, и те, кто прочитал об этом в газетах. «Мы» — те, кто выступил в защиту А. Д. Сахарова и пострадал сам, и те, кто просто ничего не знал о нем, оставался равнодушен, потому что «все до лампочки». «Мы» — те, кто пытался бороться, и те, кто боролся с пытавшимися бороться. «Мы» — те, кто умел жить, и те, кто жить не умел, да и не сумел бы при всем желании. «Мы» — в орденах и званиях, на курортах, и «мы» — в медвытрезвителях, в очередях, в коммуналах, в общественном транспорте. «Мы» — строители коммунизма, и «мы» — нижеподписавшиеся. «Мы» — «трудолюбивые», и «мы» — каждый, отдельно взятый человек в отдельно взятой стране.

А сегодня кто «мы»? «Мы» — снова стоящие в очередях, как и раньше — «за продуктами первой необходимости», как не раньше — за газетами. «Мы» — «прокатившие» первых секретарей на выборах, и «мы», ратующие за то, чтобы «гегемон» был достойно представлен в республиканских и местных Советах. «Мы» — выступающие за отмену смертной казни, и «мы» — призывающие в очереди расстрелять всех наркоманов, проституток, жидо-масонов, а заодно и Политбюро, хоть там и «одни русские». «Мы» — твердо верящие, что М. С. Горбачеву нет замены и без него реформы обречены на контрреволюционную их ликвидацию, и «мы» — утверждающие с не меньшей категоричностью, что М. С. Гор-

бачеву, конечно, следует отдать должное, но, увы, движение давно уже переросло своего лидера.

А кто «мы» завтра? Не через десять лет, не через два года, а через два года, через две недели? Еще вчера лозунг многопартийности звучал чуть ли не как крамола, а сегодня для «нас» это в некотором смысле уже пройденный этап. Вопрос «Кто он?» — лишь вывернутый наизнанку вопрос «Кто мы?». Михаил Горбачев, спору нет, интересен и сам по себе, но «мы» вглядываемся в него и сегодня по существ-

ву потому, что таким образом вглядываемся в самих себя.

Помните, у Владимира Ильича есть такое: «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»? А у Александра Исаевича находим: «Тем легче и тем короче окажется всем нам этот путь, чем дружнее, чем гуще мы на него вступим! Будут нас тысячи — и не управятся ни с кем ничего поделывать. Станут нас десятки тысяч — и мы не узнаем нашей страны!» Занятное в некотором роде совпадение, не правда ли?

ВРАГ ВНУТРИ НАС

Юлий ХАЛФИН

Долго не мог осознать, что так коробит меня в прессе в эпоху блаженной гласности. Вроде бы я не с заржавевшими сталинистами, вроде бы — с вами, с огоньковцами, новомировцами, с авторами «Московских новостей».

Ответ подсказало слово **покаяние**. Слово это, слетев с афиши популярного фильма, пошло вольным парубком гулять по страницам печати. Словом этим клянутся чуть ли не все, да **тона** покаяния что-то не слышно. Зато различимы лихие голоса провозвестников «новой зари», тех, кто в былые года колотил тяжелой колотушкой в литавры: «БАМ! БАМ! СТРОЙКА!» Теперь они звонко стучат в пионерские барабанчики: «Бам-бам-бам-бам. ПЕРЕ-СТРОЙКА!» Этим проще всего: они за последние тридцать лет уже не раз «перестраивались».

Их горны и барабанчики созывают страну на «страшенький суд», где судит не Тот — кроткий, милосердный, безгрешный. Судит именно грешный, злой и злопамятный. Многие просто улюлюкают. Многие прямо требуют: «А взять бы всех этих виновных и пропечатать с полными фамилиями». «Мало судить, — считают другие, — судить всенародно! А то ведь

они еще персональные пенсии получают!»

Некоторых и пропечатали. Они же, оказывается, вовсе не испытывают ни радости от такой славы, ни горькой сладости раскаяния. Напротив — пишут протестующие письма. Некоторые даже и с гордостью: служил, дескать, охранял, ношу заслуженные регалии. (Один милый человек даже написал: у нас, мол, в зоне хорошо кормили.) Тогда им вкатывают вторую порцию плетей: знай наших!

Покаяние извечно означало состояние души, жаждущей сбросить тяжкий груз своих преступлений и прегрешений. Приходя к духовному пастырю, человек говорит о себе. Более того, и сегодня священники неоднократно повторяют, что не должно называть ничьих имен, ни о ком не рассказывать.

... Есть могилка на маленьком кладбище в Отрадном по Белорусской дороге (собственно, не кладбище, а несколько могил в церковном дворе). Лежит в ней монах, много лет проведший в лагерях смерти. В 1956 году на улице Горького в Москве он встретил своего лагерного начальника.

— Ты жив? — воскликнул тот.

— Жив. И буду жить вечно, — ответил

страдалец, и — поклонился.

Надсмотрщик поклонился в ответ. Молва утверждает, что он не смог разогнуться и ходил скрюченный до смерти. Так ли все было? Возможно. Важнее иное. Человеческое сердце жаждет высшего воздаяния. Того, о котором писал поэт: «Но есть, есть Божий суд, наперсники разврата. Есть грозный Судия. Он ждет.»

Но сам старец не мстил. Как прекрасен и величествен он в своем смиренном поклоне! Как торжественно победителен в наших глазах!

Мы же и покаяние поняли иначе: «они» виновны — им и каяться. И вновь: виновники, виновники, причины... Из номера в номер унылые статьи с разоблачением клеветников, насильников, бонз, пашей, вельмож. (Автор умышленно избегает имен, ибо не ставит цели обличить кого-то. Речь идет об определенной духовной тенденции.) Подробные отчеты о том, что, где, когда сказал и сделал Сталин (Брежнев, Хрущев, Жданов, Троицкий...). Копание в том, как и почему загубил вождь-предатель так возвышенно сочиненный режим.

Помню, в школьные годы попался я в лапы некоей «кодлы», караулившей у входа в школу. Били вдсятером и чем попадя. Через два дня ватага моих одноклассников жаловала паренька из вражьей стаи. Он сказал: «Бейте! Теперь ваш шалман.»

Этот закон я усвоил на всю жизнь: бьет не тот, кто прав. Бьет тот, чей нынче «шалман».

Интересно, что каждый автор самого себя упорно причисляет к благородным, правым, казнимым. Молодой писатель Кавказа резко заявляет: «Я не хочу, не могу отвечать за преступления, которые совершали другие». Другой очень интеллигентный автор прямо так и говорит, если де строить ряд: Вавилов — Пастернак — Ахматова... — он с ними. Но если: Сталин — Жданов — Лысенко... то нет.

Оно вроде бы все верно: кто ж из нас скажет, что он с Гитлером? Однако должно б еще и себя проверить. Писать гордую статью, за которую получишь славу и гонорар, не значит выдержать испытание. Сотни людей признавались в несовершеннолетних преступлениях, сотни людей вписыва-

ли в листки допросов имена друзей, родных, знакомых, незнакомых. Сотни людей отрекались от жен, мужей, братьев, родителей. Всех под суд? А нам, не стоявшим перед палачом, — судить виновных? За какие ж это наши добродетели?

Необходимо писать о невинных, жертвах, реставрировать память. Но имена, которые возбуждают новую ненависть, вовсе не нужны. Ладно — Сталин, Берия, Жданов и иже с ними, но нельзя делать список злодеев бесконечным. А если делать, тогда нам прежде всего следует вписать в него **свое имя**.

Мы все это терпели, одобряли, лгали и славословили. И, не считая немногих, не мы начали ломать лед молчания, сражаться за истину и добро. Что же мы так гордимся этой волей, дарованной ни за что? И не мы ли на каждом шагу шепчем друг другу: «Вот погодите... скоро всё это кончится. Будет нам «гласность!»»

Палача и предателя надо искать в себе, а не в соседе.

Читая сегодня о тех черных годах, мы видим, что граница добра и зла шла не по кордону колючей проволоки. Судьи перешагивали в число жертв. Жертвы тоже не были ангелами. Среди сегодняшних словесных фейерверков так неразличим голос Шаламова:

— Мы мученики, которые не сумели стать героями.

Он, пытанный эпохой, имеет право на суд — и не судит.

Шаламов не вовсе прав. Были и всесветные герои. Сказочным богатырем, один против гигантской державной машины, встал Александр Солженицын — и выстоял эпоху.

Я не выстоял. Я родился в год великого перелома и потому не успел пометаться с наганом по селам, загоняя кого в колхоз, кого в могилу. Я лихо вступил в университет, накатав беспардонное сочинение на тему «Достановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград», где расправился с Зошенко и Ахматовой, за что и получил «хорошо». Я весело играл в студенческом джазе, когда уводили моих однокурсников. Я молчал, когда в университетские годы мне наполняли уши клеветой то о Шамиле, то о зарубежном писателе, то о казахском фольклоре, то о космополитах,

то изгоняли любимого профессора из вуза.

Я молчал, когда безумная старуха кричала мне на дороге в Карпаты, куда я направлялся учителем: «Дэвять моих сынов забрала до Сыбыру! За шо?»

Я преклоняюсь перед Ахматовой и Вавиловым, перед академиком Сахаровым — но вовсе не убежден, что имею право разделить с ними честь победы.

КАЕМСЯ?

«...Избави мя от забвения, и неведенья, и окамененного нечувствия», — молит Иоанн Златоуст. Покаянием назывался и направлялся суд над собой, не только за дурные поступки, но и за помыслы, и даже неведенье.

Неведенье... В третьем классе мы с мальчишками что ни день весело выкалывали глаза в учебниках истории очередному врагу народа. Но окамененное нечувствие я пронес сквозь годы. Нас, правда, не учили, что нужно освободиться «от химеры, называемой совестью», но в школе и в вузе я знал, что всякая там филантропия, всякая личная помощь деньгами, делом, вещами, — это гнусное и лицемерное занятие ожиревших от безделья буржуазных дамочек. А мы всем поможем разом — во всемирном масштабе.

Я любил человечество, не замечая людей. В 60-е годы я встретил на курорте своего бывшего преподавателя. Эта молодая женщина прибыла в наш университет со студенческой скамьи. Дружила с моей однокурсницей. Потом ее вышвырнули из университета с характеристикой «дочь врага народа».

— Где же тогда был я? — спрашиваю ее.

— Вы ходили с моей Тамарой на концерты в филармонию, — ответила она, печально улыбнувшись.

В 1947 году в Черновцах был голод. В скверах сползались в кучки бессильные, опухшие, грязные существа, которые раньше были карпатскими крестьянами. Мы отворачивались: глядеть на них было неприятно. На тротуарах лежали и тихо умирали крестьянские дети. Мы перешагивали и шли по своим делам. Мы не были

богаты. Тряслись над жалкими продуктовыми карточками. Но мы не умирали с голоду. Из какого окамененного металла сотворены наши сердца?

Покаяние — скорбь о содеянном лично. Не «он», не «они» (партия, лжефилософия, тираны), а я, единственный я виновен и прошу высшие силы помочь мне освободиться от зла, ибо сам я слаб, эгоистичен, бесчувствен и не способен расстаться с пороками, даже сознавая их в себе.

В наше горькое время мы даже не знаем, есть ли еще сегодня такие несчастные, кого собственная совесть казнит видениями замордованных ими жертв. А поглядите, с каким спокойным достоинством беседуют с журналистами высшие бывшие, как «разумно» указывают, что и как было, как они правильно предлагали, творили добрые дела среди неразумных владык. Не каются и лгуны-журналисты, а, напротив, складно повествуют о «темом времени». Не каются писатели, создавшие целый поток псевдокультуры, псевдоморали, насоздавшие по стране таких душ, что их доныне не отмоешь. Не каются поливавшие грязью Ахматову, Шостаковича, Пастернака, Зощенко. Более того, знаменитый на полмира писатель смело заявляет, что голосовал за изгон Пастернака. Но ведь и другие голосовали! Что ж, всех считать негодяями?

Зачем же всех? Негодяем достаточно ощутить одного себя. Человек, разумеется, не обязан каяться на страницах центральной прессы. Но если он рыдает на груди брата, или в свою подушку, или исповедует душу духовному отцу, он вряд ли станет писать гневные письма в редакцию.

Нет, нет, у нас не эпоха великого покаяния. У нас время великих обличений, разоблачений, исследований — и новых обольщений, фантазий, словесной пены. И никаких нет оснований предполагать, что лгуны, предатели, трусы породят бестрашное молодое племя. Двадцатилетние еще насмешливой относятся к суете нескончаемой перестройки. Да и в самом деле, если настанет сегодня новенький Леонид Ильич или Лаврентий Павлович, разве не покаемся всенародно? Мы — такие вот, у которых «покаяниям» счет потерян!

ВСЕ УЛИЦЫ ВЕДУТ К ХРАМУ

Не обретя своих скрижалей, мы прихватываем слова у соседствующей с нами святой обители. Но все эти слова имеют смысл только в свете евангельской морали. Улица, ведущая к Храму, лежала в совсем ином пространстве. На ней учили, что не хлебом единым жив человек. На ней и сегодня учат, что всякой пищи у нас вдоволь. Нам же по-прежнему важен принцип: каждому по его аппетиту. Дух мы вспоминаем только тогда, когда ужасаемся цифрам преступности или привычной злобе сограждан. 99,9 процентов статей посвящены ценам, кооперативам, опыту Швеции или Японии. Упаси меня Боже быть против этих важных материй в путанице сегодняшнего беззакония. Но неужели не ясно, что ничего этого у нас не будет, какие бы «механизмы» мы не придумывали?

Кто будет работать по этим мудрым программам: инженеры, привыкшие к перекурам в рабочее время и бесплатным путешествиям, именуемым командировками? Ученые, которые годами не выдают ни одной мысли и в своих НИИ играют в шахматы и решают кроссворды? Работяги — алкаши, бракоделы, калтурщики и бездельники?

Разумеется, всюду есть (хоть их все-таки меньшинство!) люди совести, чести, трудолюбия. Свет не без добрых людей. Но разве всеобщая стихия не такова, как сказано выше? Разве большая часть молодых людей имеет хоть какие-то маломальские критерии различения добра и зла?

Эти поиски улицы, ведущей к храму, напоминают игру, игру палы с младенчиком: «Где Петенька? Не вижу!» Петенька хохочет. Папа никак «не может» его отыскать!

Улица, ведущая к храму, вполне реальна — та самая, где есть церковь. Где ж ее нет, там ее необходимо поставить. Сколько еще мы будем вместо храма искать некую метафору храма?

Особенно характерны в этом смысле модные статьи о церкви и пастырях. Недавний тон охавания сменился тоном удивительным и часто несколько приглуповавшим. Вот люди: верующие — и ничего, не

враги, не бандиты. Хорошие люди, как и мы. «Семь священников, — пишет одна журналистка, — обычно хорошие». (Почему б это? Неужто по шучьему велению?) Еще сплошь и рядом обнаруживают, что в этой среде как-то сохранилась мораль и экзотическое милосердие. За этой лукавой реабилитацией видится желание слегка подлечиться милосердию — и возвратиться на ту же глухую, тоскливую атеистическую улицу, что ведет в приемную всемогущего бюрократа или незаметно сворачивает в Бутырки. Зато научно стоит на неизмеримо более высокой ступени!

Как-то на трамвайной остановке я услышал: «Дело-то простое: надо в каждом селе церковь восстановить — и не станут люди уезжать из села». Говоривший уехал, и я не узнал даже, был ли это верующий человек или просто народный мудрец, рассудивший: сломали храмы — люди побежали кто куда. Поставь вновь — и отыщут они сразу эту ведущую улицу.

Другой раз в метро я услышал иное решение:

— По-моему, так нужно одно: дать высокую зарплату учителям, врачам и юристам. И все наладится.

Пусть он и упростил дело, да суть ухватил верно — начать нужно с **восстановления разрушенного человека**. Его надо обучить, его надо оздоровить — и ему нужна станет страна, где чтут закон, а не произвол насильника.

Потому нормальным показалось бы мне положение, если бы хоть 50 процентов дискуссий, статей было посвящено путям реставрации человека. Кто обратит гласность к тому ужасу, который сегодня у нас **называется школа**, — страшное учреждение, куда мы отдаем детей, чтобы получить невежд, лентяев, грубиянов, не почитающих ни Бога, ни педагогов, ни мудрости, ни старости, ни матери с отцом? Какие хозрасчеты справятся с этим ежегодно выбрасываемым на улицы младым и незнакомым племенем?

Враг сидит внутри нас: мы хотим играть в домино и пить чай во время работы. Мы хотим, чтоб за дело отвечал некто. Как ужасны и оскорбительны даже наши «победы»! Хотя, например, люди не имеют имени Жданова на теле своего родного города — пишут, митингуют. Вы-

ступают всемирно известные деятели культуры, доказывают. Наконец с вершин Олимпа раздается снисходительный глас: дозволяем!

Сами себе назвать свою улицу, свой город — не можем?

... Русь моя, жизнь моя, — говорит поэт, — долго ли нам маяться? Царь да

Сибирь, да Ермак, да тюрьма. Эх, не пора ли разлучиться-раскаяться! Вольному сердцу на что твоя тьма?

Она, тьма, нужна вольному сердцу. Но где наши вольные сердца? Где наши вольные души? Мы не умеем расквитаться с тьмой, а она все еще в нас.

Валерий АБРАМКИН

ОТ МИФОВ К РЕАЛЬНОСТИ

В России слово авторитет чаще получает значение, близкое к английскому influence (влияние), и противопоставляется по смыслу слову власть, но не дополняет его.

Власть действует в пространстве формальных структур, определяя поведение людей с помощью стимулов и санкций, системы статусов, должностей, престижей. Принципы, цели и нормы заданы в этом пространстве гласным (законодательство) и негласным (административные инструкции и циркуляры) правом.

Механизм действия авторитета связан с самодетерминацией поведения человека. Люди, попадающие в сферу действия носителя авторитета, подчиняются ему добровольно, поступаясь порой собственными интересами, выгодами. Ради чего?

По-видимому, ради целей и ценностей, которые для них высокозначимы. Кроме того, носитель авторитета должен быть им, как говорится, «по душе», то есть обладать высоким личностным статусом, хорошей репутацией. Здесь уже проявляется нечто иррациональное; социальные архетипы поведения, моральная интуиция, типы целеполагания, характерные для культуры данной этнической группы.

Неформальные социальные структуры, возникающие на основе авторитета, мо-

жно назвать естественными, формальные же этой естественностью не обладают. В нормальном варианте формальное и неформальное взаимопроникают, взаимоприспосабливаются, прорастают друг в друга, делая структуры, связанные с властью, более гибкими, а культуру жизнестойкой и способной к развитию. Классический пример — Япония, с ее высокоэффективными, рациональными и, в то же время, иррациональными, архаичными, уникальными управленческими структурами.

Для нас вполне реальна перспектива застрять в примерах совершенно другого рода. Рациональная матрица, в которую мы пытались втиснуть живой общественный организм, до сих пор оказывается для него совершенно чужеродной. В результате произошло не взаимопроникновение, а взаиморазрушение.

Разрушено государство, разрушено и общество, культура, человек. Симптоматика налицо: от непереносимого быта, неэффективной экономики, деморализации индивида до эффекта исчезновения власти, о котором говорил Симон Кордонский (4/89). Я бы связал этот эффект с процессом самоструктурирования общества, который очень активно, по нарастающей шел в так называемый «застойный

период».

Социальные структуры, которые воцарились в результате этого процесса на «руинах» общества и государства, представляют собой довольно странное явление. Это вроде бы и власть — и не власть. Они поддерживают и организуют жизнь на местах, берут на себя некоторые функции управления обществом, демонстрируют подчиненность государству и праву...

Но в них же мы находим и произвол в принятии решений, личностный способ действия, неформальность в характере социальных связей, отношения примитивного типа между включенными в эти структуры людьми.

Эти «неформально-формальные структуры» всем нам хорошо известны. Каждый из нас в той или иной степени сам включен в систему этих структур или, по крайней мере, сталкивается с ними в жизни. Мы достаем вещи, которых не купить в магазинах; уstraиваем заболевшего родственника в нужную — не ту, что предложат, — больницу; при решении своего вопроса в учреждении понимаем, что к функционеру лучше обращаться не как к должностному лицу, а как к «человеку»; пользуемся услугами «своих людей», знаем о «телефонном праве» и т. п.

Но это осведомленность на уровне бытового сознания. Концептуальное знание об этой системе, структурах, реальных формах и технологии их работы, механизмах социального взаимодействия, неясно, обрывочно, фрагментарно, мозаично. Сами имена этих явлений связаны не с их сущностью, а с общепринятой отрицательной оценкой: **черный рынок, теневая экономика (медицина, культура...), подпольный бизнес, бюрократический аппарат...** В общем — негативные явления.

Конечно, у отрицательности этой есть свои основания — структуры, о которых идет речь, в самом деле ненормальны, а порой патологичны, криминальны. Но они не так просты, как кажется авторам удалых обличительных статей. Более того, за болезненностью различимы и здоровые элементы. Именно эти структуры делали нашу жизнь **возможной** в невозможных условиях, в какой-то мере проявляли естественные для конкретной локальной общности формы жизни, реализовали

потенциал культуры разных этнических групп, обнаруживали способность регенерации жизненной ткани из уцелевших от террора «лоскутков».

ТИРАНИЯ МИФОВ

Неисследованность этих структур связана с процессом мифотворчества, еще недавно захватившим всю страну. Казалось, заводы и колхозы выпускают не продукцию, а «плановые показатели», школы заняты не обучением и воспитанием детей, а «процентом успеваемости», поликлиники боролась за «увеличение числа диспансерных больных», милиция — за «стопроцентную раскрываемость преступлений», суды — за «качественные» (то есть окончательные уже в первой инстанции) приговоры.

Выживаемость и людей, и социальных структур зависела прежде всего от их способности к идеологическому оборотничеству, исполнению роли в чужом сценарии. Все внешние проявления жизни достигли высочайшей бессодержательности. Исследование, изучение реальной жизни, вытесненной в тень, было запрещено.

За последние три года мы преуспели в разоблачении отдельных мифов, чего нельзя сказать о преодолении самого мифотворческого сознания. Главной особенностью этого сознания является уверенность в том, что исходя из общих представлений — прогрессивных, демократичных, благих — и опыта чужих успехов можно перестроить живой организм страны и добиться всеобщего благоденствия. Основные усилия такое сознание концентрирует на борьбе с конкурирующими мифами. Причина явного неуспеха проектов, втесняемых в жизнь, относится на счет чего угодно, но никак не на счет мифологичности самой перестройки: на счет объективных обстоятельств, недавнего прошлого, исконного «недемократизма» народа или его «рабской психологии»...

Кругом враги: жидомасоны, националисты, кооператоры, бюрократы и неформалы. У читателя газет уже скулы сводит от набивших оскомину мифологем типа «враги перестройки», «механизм тормождения», «застойные явления»...

При изобилии предложений, проектов,

ответов, явно ощущается **дефицит вопросов**, анализа приоритетов и постановки задач. Правовое государство, свободный рынок, социализм, русская идея и прочее — все это никак не может быть **целью** движения. Это набор возможных путей восстановления, регенерации разрушенной, основательно разрушенной жизненной ткани. Без духовного возрождения человека и общества все остальное приведет к прежней бессодержательности.

Известна точка зрения, связывающая успех перестройки с быстрым решением экономических проблем, повышением уровня жизни до западных стандартов. Не стыдятся заявлять, что вдохновить народ можно только изобилием на магазинных полках и в винных лавках. Надо совсем не знать своей истории, не чувствовать отечественной культуры, чтобы связывать все только с брюхом. Наш народ переносил куда более страшные испытания и делал это вдохновенно, если понимал и принимал их смысл. В России спиваются не от того, что не хватает колбасы, а из-за отсутствия дела, идеи, за которые стоило бы пострадать. Может ли стать таким делом «построение правового государства» или «развитие рынка»?

Это не означает, что экономические, правовые и другие насущные проблемы нашего общества второстепенны. Они не второстепенны — они неразрешимы вне целей, смыслов и идей, о которых я говорил выше.

ОПИРАТЬСЯ НА РЕАЛИИ

С газетных полос на нас обрушивается поток публикаций о «злоупотреблениях» в торговле, припрятывании дефицитных товаров. Статьи, в которых хотя бы делалась попытка понять, **зачем** нужен припрятанный дефицит работникам торговли, можно пересчитать по пальцам. Какую цель преследуют все эти разоблачения? Разжечь «праведный» гнев против «торгашей»? Добиться еще десятка судебных процессов против директоров магазинов? У нас и без газетных обличений ненависти против «торгашей» хватает. Для нашей культуры предпринимчивость — ценность отрицательная, что и определяет, с одной стороны, неуважение к «торгашеству», с

другой — своеобразный комплекс моральной неполноценности у самих «торгашей», и как следствие — неискоренимое их хамство и вороватость. Поможет ли в решении этой проблемы западный опыт?

Сомневаюсь. Люди, бывавшие на Западе, знают, как отвратительно на тамошнем фоне выглядит русский бизнес (особенно в первом поколении эмигрантов). Скорее, здесь помог бы опыт русского купечества, которое худо-бедно, а с комплексом неполноценности справлялось. Чисто экономическими способами эту проблему не решишь, необходима культурная коррекция, согласование хозяйственных задач с социальными архетипами поведения.

Другой пример — «механизм торможения». Если выйти за пределы басни про «врагов», это не что иное, как сопротивление живой **реальности** всякого рода деструкционным процессам. И не разрушать бы его надо, а использовать!

Непереносимость существующих порядков понятна большинству людей. Но стабильность их жизни (относительная, конечно) определяется зависимостью от тех «неформально-формальных» структур, в которые они были включены в течение десятилетий. Любая перестройка, рассчитанная на «голого» человека, вне системы сложившихся социальных отношений — провалится. Преобразования должны опираться на позитивные элементы сложившихся и возникающих структур, проявлять их возможности для перехода от прежнего консерватизма стихийной защиты жизни, от губящих ее воздействий к самоорганизации населения (восстановление нормальных, естественных для равных локальных общностей нашего «суперэтноса», форм жизни и их развитие).

Демократизация, гласность, свобода экономической, политической, религиозной и т. п. деятельности — все это лишь **одно** из условий преодоления катастрофы. Нужны механизмы перехода от реально существующего положения вещей к — употреблю не совсем ясный термин — **нормальному**. Сосредоточивать все усилия на точном вычислении модели нашего будущего — неблагоприятная задача. Механизм перехода, концепция перехода должны опираться на реалии данного дня.

РЕАБИЛИТАЦИЯ ЖИЗНИ

Надо реабилитировать жизнь, легализовать и те социальные структуры, которые достались нам в наследство от прошлого, и новые, возникшие в последние годы. Это необходимо для того, чтобы прогнозировать развитие событий. Любой проект, какие бы он нам «хлеба из камней» не сулил, не заслуживает даже обсуждения, если не содержит в себе концепции перехода. Я думаю, рассмотрение с такой точки зрения многих проектов, уже запущенных в жизнь или вынесенных на «всенародное обсуждение», покажет их полную несостоятельность. Те отдельные успехи за годы перестройки, о которых мы знаем, если внимательно к ним присмотреться, связаны не столько с действием власти, сколько с действием «авторитета», то есть с лидерами, которые в данных конкретных случаях способны были опираться и на рациональное (большая свобода, материальные стимулы и т. д.) и на иррациональное (то, что людям «по душе»). Мы не поймем и не сможем использовать опыт этих успехов, если будем относить их к чему-то вроде «новых форм хозяйствования».

Скажу и еще об одном. Долгие годы из нашей жизни искоренялся дух инициативности и предприимчивости. Сейчас в журналистике произошла некоторая переоценка этих вещей — например, реабилитация «кулака». Но не придется ли нам еще пятьдесят лет ждать «реабилитации» своих «кулаков» — хозяйственников 70-80 годов?

О размерах и обоснованности репрессий против них говорить трудно, нет досто-

верной статистики. Могу сослаться только на свой личный опыт пребывания в «местах не столь отдаленных». Примерно десятая часть заключенных — люди, осужденные за «хозяйственные», «должностные» и другие «экономические» преступления. Это, как правило, энергичные, инициативные, предприимчивые люди. Не могу сказать, чтоб для большинства из них общественный результат их деятельности был важнее личного (деньги, карьера, положение), но для них вообще не столько важен результат, сколько процесс реализации своей инициативности и деловитости. Однако для такой реализации не было «законных оснований». Не пора ли подумать о возвращении этих людей к жизни, которая, как утверждают, будет построена на других «законных основаниях»? Я понимаю, что это большой вопрос в условиях разжигания новой ненависти к тем, кто «обогащался за счет народа». Возможно, кого-то из них можно просто реабилитировать с учетом того, что в нынешних условиях их деятельность не считалась бы преступной. Кого-то можно помиловать или амнистировать и реально вернуть в жизнь без обычных для нас ограничений и оговорок.

* * *

Одно из главных назначений интеллигенции — поиск, выработка смыслов и идей, основанных на системе ценностей своей культуры, создание того духовного поля, в котором все стороны народной жизни обретают целостность и цель. Достанет ли нашей интеллигенции такого понимания задачи и воли ее решить — покажет будущее.

Письмо из редакции

Глеб ПАВЛОВСКИЙ

Заканчивая разбирать ежедневную почту и собираясь покинуть редакцию, я с тоской понимаю, что уже поздно, что лифт, скорее всего, опять не работает, и мне придется спускаться по лестнице.

С тех пор, как у арки нашего двора поселился московский Гайд-парк, наш двор и подъезд превратились в самые грязные двор и подъезд в Москве. Жар политической страсти и разглядыванье свежего самиздата не позволяют местным демократам отлучаться в далеко расположенный туалет — и они ныряют под нашу арку...

Конечно, и в этом виноваты власти: отчего б им не подогнать сюда развездной сортир? Виноваты и кооператоры: ближайший к эпицентру туалет стал платным. Их-то я и кляню, глядяваясь во тьму лестничной клетки: менее всего хочется здесь спускаться наощупь. Остается утешаться тем, что и у этого маленького зла есть виновники, — удобно распознаваемые, те же самые, что и у всех наших зол. «Все это было, — уговариваю я себя, — все это уже не раз было».

По дороге я покупаю несколько листовок — а вот этого в русской истории еще не бывало, чтоб листовки продавались по коммерческому ценам. Неприкрытые враги договорных цен, кооперативных и всех вообще туалетов требуют за свою прокламацию тот же двугривенный, что экономится ими на малой надобности. Просматриваю листки на бегу: «Призрак коммунизма... О гражданской самообороне...» Ловлю эниграф: «Вождам трудящихся винтовки — создать трудящихся полки...»

Господи! Мало того, что эта публика снова хочет сесть нам на шею; мало того, что они не потрудились для этого найти

хотя бы новую, менее подлую лексику, — мы еще должны и оплатить собственное будущее рабство!..

И листовка ценою в кооперативный пирожок летит в близлежащую лужу...

* * *

Не утешает и почта. Она свидетельствует о неустрашимом, судя по всему, заблуждении читателя, будто императивность его политических претензий, резкость тона при всяком упоминании государственной бюрократии и разоблачительные перечни наших общественных зол суть то, чем можно вернее всего польстить нашей редакции.

Это несомненно совпадает и со снижением уровня части присылаемых в «Век» материалов: чем они агрессивней, тем обычно беспомощнее по мысли, тем меньше имеют что предложить стране, в которой уже не остается, чего «отнимать». Зато чтобы «делить» — не придумано лучшего аппарата, чем тот, что мы и так имеем и дружно клянем.

Судя по письмам, пятилетие перестройки мы встречаем в странном состоянии духа. Вечные, казалось бы, запреты пали и попрыгали, нерушимые Бастилии сметены. Если разобраться, на бумаге попрыгало даже несколько более твердых, чем их было в действительности. Уже не осталось, кажется, у нас уничтожительных слов для нашего же прошлого и настоящего, какие бы не пускались в ход: Чаадаев с его отрицаниями — простой мальчишка перед любым обозревателем гласности. Слова «духовные травмы», «загубленная культура», «большое общество» в таком подцензурном ходу, что самому вприору почувствовать себя здоровяком.

Но кто диагносты? И вправду ли они умеют лечить?

* * *

Пять почти лет тому назад — это было в феврале, когда умирал несчастный Черненко, так поздно утолив наконец свое честолюбие, — я бродил улицами крохотного северного поселка — вернее сказать, то были просто деревянные мостки — и твердил, твердил себе новооткрытую мысль: ничего изменить нельзя, порча слишком сильна, но осталось еще умереть с толком. Реальность была фантазмагорична, абсурдна, речь моих сограждан была уклончива и лукава, а мысли раздвоены, как жало змеи. Мы жили в подлomme состоянии, когда вещи не имели своих имен, а жертвы не имели цены. Когда невозможно было говорить, что хозяйство развалено, что человек спивается и глупеет, что учителя первых классов с каждым годом встречают на одного-двух дебилов больше.

А подлость публичных ритуалов? Я помню, как Институт философии АН СССР, в полном составе научных сотрудников и единогласно, то есть при участии всех там работавших тайных экзистенциалистов, православных, буддистов и даже иоансов — отлучал, проклинал и изгонял навсегда философа Александра Зиновьева.

...И вот я вновь вижу отвратительное зрелище единогласно ревущей толпы. Теперь она требует извлечь из могил Сталина и его пособников, сжечь и развезть их прах, выявить и судить тайных сталинистов, и далее, далее в том же духе: привлечь, выкорчевать, переименовать, отрицать, стереть в порошок...

Неужели именно это три года тому назад мы называли «чудом»?

Вопрос заключается в том, отчего мы восприняли великую и страшную драму пробуждения из мифологического сна как — подарок? Как утренник с мандаринами? Нас так увлек процесс гласности, что недосуг спрашивать: а о чем, собственно,

но, гласим? Что нового разгласили гласящие?

Мы попали в простейшую из ловушек, которую можно было предсказать еще тогда, когда читатели дружно открывали рот для первых ошеломляющих разоблачений. Разоблачений, которых никто не требовал. Граждане получали ответ за ответом прежде, чем в них возникал вопрос. Они ежедневно глотали разгадку за разгадкой, не успевая задаться хоть каким-то вопросом о том, как жили до сих пор. Будничная жизнь вдруг была прокручена им прессой, как захватывающий детектив.

А где детектив, там мудрые следователи и отпетые злодеи.

* * *

С некоторой точки зрения, история России состоит из периодов строительства мощных оборонительных сооружений и чудовищно громоздких систем безопасности — периодов, разделяемых недолгими паузами бесследного исчезновения этих систем, как если бы их не было вовсе.

Можно ли назвать первые эпохи «созидательными», если все строится с чудовищными потерями и человеческими жертвами, на полном упразднении народной свободы и, чаще всего, личной чести — а тем временем, внутри так прекрасно защищенной страны все истлевает и погружается в страх, зато миру эта закрытая ото всех подневольная работа чудится подготовкой ужасного и сокрушительного броска?

А главное — каков результат? Где хваленая безопасность? Хотя она-то нам обеспечена столь славной ценой? Мне хотелось бы задать этот вопрос тем, кто все эти годы проводил, задом навалившись на страну и, не меняя позиции, нас поучал. Сегодня, когда их приводит в панику очередной беспутный митинг (а бывают ли путные в этой стране?), мне хочется спросить, что ж они сделали, чтоб этого не допустить?

Вышвырнули из жизни Твардовского, мирового судью тогдашней интеллиген-

ции? Выслали Солженицына? Порасшвыряли по лагерям тех, кто — слабо! слабо! — остерегал народ от выхода на повторный круг революционного колесования?

И взрастили ненависть — самоубийственную скорпионью ненависть в людях, которая до того, как пожрать саму себя, уже принялась за народы...

История возвращается к нам не раз-облачениями в «Огоньке», а страшной догадкой, что все, о чем мы читали в учебниках, имеет отношение к нам, таким «защищенным».

...Биафра и хунвэйбины, сентябрьский Сантьяго и полпотовская Кампучия — все это имеет отношение к нам. «Откуда придут кавеньяки?» — кого это волновало в годы, пока кавеньяки восседали повсюду, правя страной? Выключенность из истории была свободной от забот и кошмаров истории. Теперь они возвращаются вместе: та и те.

* * *

В письмах читателей часто звучит словечко «фашизм», «фашистский». Его клеят с большой охотой своим политическим противникам. Спор о Сталине и предвоенных пактах с Гитлером усилил актуальность вопроса. Но что значит фашизм для нас? С чего он начинается там, где еще нет ни расовой лексики, ни экзотических мундиров?

Фашизм имитативен. Это эксплуатация политической подражательности. Фашизм не столько изобретает, сколько импровизирует на чужие темы там, где это может принести успех. Успехом же является власть над человеком.

Фашизм банален, как «дубли» из фантастических романов, это смышленная политическая обезьяна, не обходящая вниманием ни один прием, сулящий удачу. Неважно, кто изобрел прием, — коммунисты, либералы или монархисты. Хоть — евреи! Фашизм, в этом смысле, всеяден. Он внимательно следит за более сильными и успешными современниками, копируя их технику и совершенствуя ее, достигает власти...

И тут уже начинается второй, самый страшный тур: партнеры и оппоненты фашизма незаметно для себя начинают учиться у фашистов их «блестящей техни-

ке!» Ведь вон как ладно выходит!

Именно там, где они вставали на этот путь, там фашизм одерживал победу. Только там.

...И везде, где начинается перемигивание демократий с насильниками, идут в ход политические детективы и перестают слушать скептиков. Везде, где яростный протест человека против «правил игры» перехлестывает берега нормальной жизни, мы обязаны быть настороже. Иначе наследником и продолжателем революции мы увидим холодного беса-логика, набирающегося у нас опыта, чтобы вторгнуться в нас же и перестроить нас.

Оттого надо следить за упрощением и опустошением языка, за агрессией популярных банальностей, которые вскоре, без выстрела, завладеют всеми передовицами. Надо следить за людьми, которые запугивают нас «темными силами», предлагают «слить сердца в едином порыве», приговаривая: «Народ один», как шепчут проститутке: «Ты прелесть, детка!»

* * *

Я боюсь, нам предстоит близкая борьба идеологизированного большинства с реалистическим, однако, ничтожным меньшинством. Публика причена, что ее глядят по головке, называя «народом». — Народ? Власть народа?

Народ еще необходимо создать. Иначе это будет «власть всех» — то есть, власть стоптанной, сбившейся, обезличенной массы, которой (от имени всех) кто-то уже завладел.

И о какой власти идет речь? Ее уже нет — и не должно быть — той власти, что держалась на страхе, отчуждении от реальности и запрете смеяться, когда смешно. У кого может еще раз появиться власть сказать: «Думай, как я»? Власть сказать: «Не обсуждай этого»? Власть потребовать: «Верь мне»?

Такой власти больше нет ни у кого, от священника до генсека, и ее нельзя давать никому — даже если найдется желающий, чтобы его умом повелевали. Даже если таких желающих найдется большинство и мы вновь увидим скотски ревущие трибуны с кинолент тридцатых годов, — как уже теперь видим спящие и во сне блаженно

(Окончание на стр. 32)

ВИТКИ

Константин КАГАЛОВСКИЙ,
Сергей КУГУШЕВ

ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ

Независимо от желания правительств тех или иных стран и от рекомендаций экономистов своим правительствам, все социалистические страны идут по сходному пути, который можно назвать магистральной тенденцией (mainstream) их эволюции. Вообще говоря, это путь от тоталитарного общества к демократическому. Он представляет собой переход от тоталитаризма (в частности, сталинской модели, как одной из самых «чистых» форм тоталитаризма), через авторитаризм (просвещенный или, скорее, непросвещенный — основанный на недемократических механизмах реализации интересов различных социальных сил) к демократическому обществу, основанному на развитых демократических институтах в сфере политики и в сфере экономики.

Этот путь нелинейный, негладкий, скорее зигзагообразный с периодическим отступлениями и отходами назад. Он чреват кризисами, не исключаящими возможность социальных взрывов. Все же, по видимому, этот путь неизбежен для большинства стран. Наша страна, хотя и не в начале этого пути, но ушла по нему недалеко.

Первый этап этого пути связан с разложением тоталитаризма. Он начинается с отказа от террористических методов управления и смены приоритетов экономической политики. В экономике происходит структурный сдвиг — перераспределение ресурсов в пользу товаров народного потребления. В СССР этот этап начался сразу же после смерти Сталина, в области экономики ему соответствовала «программа»

Маленкова. В европейских социалистических странах начало этого этапа было связано с прекращением политики форсированной индустриализации. Характерная черта этого этапа — смена экономической политики без изменения хозяйственного механизма. Господствует иллюзия, что достаточно лишь принять новые, «правильные» решения, строго проследить за их исполнением, и все будет в порядке.

Осознание принципиальных пороков первого этапа подготовило почву для следующего. В сфере экономики он заключается в неуверенных попытках осуществления несистемных рыночных реформ с последующей децентрализацией. В политической области он отмечен частичной демократизацией: политическая амнистия, ослабление цензуры, деидеологизация частной жизни, изменения в избирательной системе, декларация создания правового общества.

Проводимые на этом этапе экономические реформы ограничиваются попытками создания рынка товаров. Задача создания рынков денег, труда и капитала обычно всерьез не ставится. Поэтому даже при относительном успехе подобных реформ, коренных улучшений не происходит.

Система прямого бюрократического управления превращается в систему косвенного бюрократического управления при помощи финансовых показателей. Рынок не возникает, экономический механизм остается административно-командным. Меняется лишь форма этих «команд». По существу, единственным результатом подобных реформ, когда они происходят

успешно, становится определенное улучшение положения на потребительском рынке и увеличение свободы потребительского выбора.

Второй этап имеет две существенные особенности. Первая — это ослабление реальной власти центра и его способности управлять. Усиливается власть нижестоящих в иерархической системе экономических агентов: министерств, регионов, предприятий. Их власть большей частью неинституализирована, ее проявления нередко носят анархический характер. Отношения «господства-подчинения» превращаются в отношения иерархического торга.

Второй особенностью этого этапа является резкое повышение социальных ожиданий населения. Социальные ожидания развиваются скачкообразно. Рост фактического уровня их удовлетворения с определенного момента вызывает опережающий рост ожиданий в отношении потребностей более высокого порядка (например, здравоохранение, потребности, связанные с проведением досуга и др.). Итак, жизненный уровень в этот период растет сравнительно плавно или стагнирует, зато социальные ожидания растут скачкообразно. Именно здесь таится главная опасность возникновения социальных взрывов.

• • •

Только очень сильное внешнее воздействие может заставить людей добровольно уменьшить социальные ожидания. Добровольное их уменьшение происходит, например, во время войны или стихийного бедствия. Снижение уровня жизни в результате экономического кризиса ведет не к снижению ожиданий, а к росту социальной напряженности.

Между тем, возрастает внешняя задолженность в «твердой» валюте. С этой проблемой столкнулись все европейские социалистические страны. В условиях, когда остальные ресурсы исчерпаны, получение средств из-за рубежа — последний источник ресурсов, которые можно сравнительно легко вовлечь в народнохозяйственный оборот. Поэтому пока экономика остается непродуктивной, увеличение внешней задолженности неизбежно. Обострение экономической ситуации вынуждает прибегать к западным кредитам, независимо от наших желаний. Так, при

разработке проекта плана на 1990 год не удалось избежать увеличения внешнего долга.

Происходит трудный процесс становления гражданского общества. Каждая социальная группа осознаёт свои интересы и предъявляет требования в отношении заработной платы, снабжения товарами народного потребления, социального обеспечения, жилья, экологических условий и т. д. Требования каждой группы, вообще говоря, по-человечески можно понять. Но для их удовлетворения требуются материальные и финансовые ресурсы. Если же мы сложим вместе требования всех социальных групп, то их сумма существенно превысит реальные возможности экономики.

В то же время широко распространяются и становятся социальной нормой крайние формы нетрадиционного поведения, в особенности забастовки. Так, в СССР по сведениям Госкомстата в первом полугодии 1989 года в результате забастовок ежедневно не работало в среднем 150 тысяч человек. Однако удовлетворение требований одной социальной группы означает перераспределение ресурсов в ее пользу за счет других. Когда кто-то, например, шахтеры, добиваются повышения зарплаты и предпочтений в снабжении, усиливается разрыв между ними и другими социальными группами. Тогда следующая группа усиливает нажим на государство и тоже добивается индивидуальных предпочтений.

Образуется порочный круг. Если борьба идет в отношении зарплаты, то рано или поздно ее общее повышение сказывается на неравновесии на потребительском рынке. Усиливается открытая (повышение цен) и подавленная (дефицит) инфляция. Инфляция съедает эффект повышения номинальных доходов — и процесс начинается вновь. Усиление борьбы за перераспределение национального дохода в условиях сокращения его абсолютного прироста приводит к новым и новым виткам инфляционной спирали зарплата-цена.

Периодически происходят попытки ускорения экономического роста, инвестиционный процесс носит циклический характер. Инвестиционные циклы — периодические ускорения и спады инвестиционной активности — характерная особенность экономики восточноевропейских стран. В

СССР также периодически принимались решения об ограничении объема строительства, консервации части строек, сокращении незавершенного производства и т. п. Но они не вызвали серьезных колебаний инвестиционной активности и до сих пор никогда не приводили к абсолютному ее сокращению. Теперь ситуация изменилась. Уже в 1989 году капитальные вложения в производственную сферу несколько снизились. На 1990 год планируется их сокращение на 30 процентов. Планируемое сокращение инвестиционной активности явится, по-видимому, началом «классического» инвестиционного цикла.

Развивается негосударственный сектор — «вторая экономика». Процесс ее развития усилился после официального признания равноправия кооперативной формы собственности и принятия Закона о кооперации. Несмотря на фактическое положение «социально чуждых», высокую неопределенность перспективы развития и появления законодательных актов, ограничивающих деятельность кооперативов, в СССР вслед за другими странами начался бурный рост кооперативного движения.

Развивается теневая экономика, и появляется организованная преступность. Отсутствие легальной возможности частного предпринимательства, наряду с распространением цинизма и девальвацией моральных норм, создает благодатную почву для развития этих процессов.

Резко усиливаются национальные конфликты. Скрытые национальные конфликты выходят на поверхность. Национальные проблемы резко обостряются почти во всех регионах страны, где есть для этого почва. Конфликтная ситуация создалась в Закавказье, Прибалтике, Молдавии, Средней Азии и других регионах. Характерной особенностью переживаемого нами этапа развития является то, что в течение этого периода национальные проблемы в принципе не могут быть разрешены в короткие сроки.

На принимаемые высшими органами власти экономические и политические решения сильное давление оказывают механизмы лоббирования. Сильные и влиятельные хозяйственные организации (в СССР — это отраслевые министерства) добиваются принятия выгодных для себя и расточительных для общества решений.

Ярким примером такой организации являлся Минводхоз СССР, «прославившийся» на проекте переброски северных рек. Новый проект такого рода, который «пробивают» ряд министерств, несмотря на его явный ущерб для народного хозяйства, — Тюменский газохимический комплекс.

Происходит частичная институционализация интересов различных социальных сил и групп. Возникает множество неформальных организаций, которые в той или иной форме включаются в политическую жизнь. Под влиянием изменения политического климата в обществе и под воздействием конкуренции со стороны неформалов происходит реанимация официальных общественных организаций. На этом этапе возникают политические организации, которые в дальнейшем могут разделить государственную власть (как «Солидарность» в Польше).

Кризис охватывает все сферы общества: обостряются проблемы молодежи, растет преступность, наркомания и т. д. В обществе возникает так называемое экстремальное состояние. Экстремальным мы называем состояние, когда социально-экономическое равновесие находится на грани нарушения, вероятность его нарушения чрезвычайно высока, и эта угроза переживается всеми активными членами общества. В этих условиях качественно изменяется и экономическое поведение. Поведение экономических агентов в условиях экстремального состояния отличается от их поведения в обычных условиях, как поведение больного и раздраженного человека отличается от поведения здорового. Характерным примером экономического поведения в условиях экстремального состояния является ажиотажный спрос.

Самое важное последствие изменения экономического и политического поведения — снижение уровня терпимости. Низкий ее уровень усиливает угрозу политического кризиса, что не позволяет проводить никакой последовательной экономической политики. Экстремальное состояние парализует экономнику и общество, блокирует проведение реформистских мероприятий. Старания решить эту проблему обостряют несколько других. Население ждет от руководства только таких решений, которые являются «оптимальными по Парето», то есть таких, когда что-либо

улучшается, но ни один из параметров уровня жизни не ухудшается. Это следствие роста социальных ожиданий и утраты «кредита доверия». Никто больше не хочет идти на «временные» жертвы.

Наступает время тупиковых ситуаций и неразрешимых проблем. Это значит, что возникшие проблемы нельзя решить, не ущемив чьи-то интересы. Но тот, чьи интересы могут быть ущемлены, достаточно силен, чтобы не позволить это сделать. В результате проблема остается нерешенной.

В качестве примера возьмем сегодняшнюю ситуацию с ценами. Всем ясно, что нынешние цены никуда не годятся. Ясно и то, что существующая структура цен блокирует проведение экономической реформы, и то, что для ее развития необходимо привести цены к уровню спроса и предложения (не говоря уже о необходимости изменения порядка ценообразования). Но также стало ясно, что любое приближение цен к равновесию сегодня означает их повышение чрезвычайно, с точки зрения сохранения социально-экономического равновесия. В результате складывается парадоксальная ситуация, когда нельзя ни изменить цены, ни оставлять их такими, какие они есть.

В условиях экстремального состояния резко снижается адаптивность системы к изменению внешних условий. Социальный взрыв может вызвать чрезмерно холодная зима, вызвавшая перебои в теплоснабжении, или засуха летом, вызвавшая неурожай и перебой в снабжении продуктами питания. (Как издавна известно, в России «голод» и «холод» — две наиболее опасные для социально-экономического равновесия вещи). Предсказать социальные взрывы, по-видимому, невозможно, но можно утверждать, что на данном отрезке развития общества резко усиливается вероятность их возникновения.

* * *

Попробуем подвести некоторые итоги. В результате исчерпания ресурсов экстенсивного развития и неспособности экономики адаптироваться к последствиям экономического роста пятидесятишестишестидесятых годов, народное хозяйство страны оказалось в кризисном состоянии.

Вследствие чрезмерного роста социальных ожиданий населения и снижения его толерантности шансы на проведение последовательной радикальной реформы невелики. Нас ждет долгий и болезненный процесс развития общества, основанного на полуинституционализированных механизмах реализации и согласования интересов различных социальных сил и групп.

В этом обществе нет и не может быть настоящего рынка, потому что его функционирование блокируют политические механизмы.

В этом обществе нет и не может быть настоящей демократии, потому что в нем отсутствуют демократические институты выражения экономических и политических интересов и принятия политических решений.

Существующие социальные системы долгие годы воспроизводили, иногда путем жесткой селекции, адекватных себе людей (*homo soveticus*). В большинстве своем население социалистических стран не готово и не хочет принять ни настоящего рынка, ни настоящей демократии со всеми ее положительными и отрицательными последствиями. Историческая миссия второго этапа эволюции социалистических стран — подготовить их к этому.

Под давлением обостряющихся экономических процессов и под влиянием демократизации эволюционирует экономическая теория. Попытки конструирования новых показателей и ожидание экономических чудес от пятилетнего планирования сменяются пониманием необходимости рыночных отношений — сначала при господстве плана над рынком. Рынок понимается лишь как рынок товаров при преимущественно централизованном распределении инвестиций. Затем нарастает понимание роли рынков труда и капитала и необходимости плюрализма форм собственности.

Происходит и медленная эволюция представлений населения о желательных формах организации экономической жизни. Постепенно ослабевают эгалитарные установки, увеличивается терпимость к дифференциации доходов и второй экономике. Идея рыночной экономики становится все более популярной. Успеет ли она овладеть массами до наступления она экстремальности?

Публикуемые фрагменты статей и заметок В. И. Вернадского относятся к 1917—24 годам. «Развал жизни, разрушение, неудачные и довольно мало осмысленные попытки творчества, зёрна и нити больших идей, которые закрыты поднявшейся грязной пеной и мутью», — вот грани того времени, зафиксированные им в самой гуще событий (крымский дневник, 22 февраля 1921 года). Годы глубоких переоценок, происходивших и в общественном и в личном сознании.

В августе 1924 года, вспоминая события 20-летней давности, ученый записывает в дневнике: «Университетская борьба за академическую свободу. Казалось, что она шла в одном направлении с ходом освободительного движения. И хотя тогда было ясно, что идеи свободы личности, свободы научного искания, столь дорогие мне, не отвечали идеологии людей, с которыми мы шли как будто вместе (налево не враги!), — на это закрывались глаза. Враг «налево» был страшнее для будущего свободного человечества, чем тот направо, с которым боролись».

В наше время очередных прозрений и переосмыслений, когда переоткрывается собственная история и рушатся целые пласты верований, многие суждения Вернадского обретают долгожданную актуальность. Тут дело не столько в конкретных оценках или переносе по аналогии с прежнего на сегодняшнее, сколько в самом подходе к происходящему. Нетривиальность подхода Вернадского поражает на каждом шагу. В самом деле, бессменный член ЦК кадетской партии на страницах главного партийного органа не зовет непременно

«ДОВОЛЬНО КРОВИ И СТРАДАНИЙ»

Владимир ВЕРНАДСКИЙ

I

Сейчас Россия переживает момент величайшей гражданской ответственности. Страна находится в грозной опасности и может быть из нее выведена только единодушными порывами, твердой волей и сознательной работой всех граждан. Чем меньше будет среди нас уклоняющихся от исполнения гражданских обязанностей, тем скорее и вернее мы найдем выход из положения. (...) Сейчас подвержено сомнению всё: ценность России, ее независимость, ее будущее благосостояние, сохра-

нение свободы и всех завоеваний революции.

Что должен делать отдельный русский гражданин, каждый обыватель для того, чтобы со своей стороны бороться за Россию, за ее будущее, за ее свободу?

Он не должен и не смеет оставаться безучастным зрителем. Он не должен и не смеет быть тем взбунтовавшимся рабом, о котором говорил Керенский.

Отдельные усилия слабы, — но в соединении они представляют грозную всесокрушающую силу. (...)

В свободном государстве, особенно в государстве демократическом, есть только

но в свою партию; для него важнее, чтобы все самоопределились и — разошлись по партиям; он видит ситуацию с другой высоты: для России в целом смертельно опасна аморфность, несамостоятельность большинства ее граждан, неструктурированность общества (говоря позднейшим языком) — и здесь, в семнадцатом году, у Вернадского звучат, в общем, несвойственные ему нотки непрерываемости и жесткой требовательности. С юношеских лет ощущая себя одновременно русским и украинцем, он в годы гражданской войны ведет свою линию в «украинском вопросе», вкладывая непрерывное для нас содержание в лозунг «единой и неделимой». Когда бессудные расправы и кровавые казни еще не утихли, а лишь сдвинуты колеблющейся линией фронта, зовет, в отличие от окружающих, не к отмицению, а к всеобщему нравственному возрождению. Находит глубинный смысл в революции, но совсем не тот, какого мы ожидаем, — не связанный с «точкой зрения» какого-либо из борющихся лагерей.

Вот этот взгляд позиции, более высокой, чем партийная, национальная, профессиональная, сословная и т. д., этот общечеловеческий подход, с другой, чем наша, иерархией значимостей, но без отказа от личных взглядов и пристрастий, — не есть ли это искомое, однако, уже давно зародившееся в нашем обществе «новое мышление»?

И завидная страстность умудренного, отнюдь не молодого человека...

И поучительное движение мысли — не повторяющее себя, но с постоянным — с разных сторон — возвращением в круг главных идей, с рождающимися каждый раз новыми оттенками и сцеплениями...

одна форма такого единения, такой организации — это единение в **политические партии**. Бывают грозные эпохи в жизни страны, когда ни один человек нравственно не должен смочь оставаться вне политических партий, так как только этим путем он сможет стать свободным гражданином, будет закономерно проявлять свою волю и свою мысль в политической жизни, работать над превращением аморфной и мятущейся толпы в стройное организованное целое, обладающее возможностью влияния и воздействия на политическую жизнь страны.

Демократия не может существовать в сложных условиях XX века без такой организованности народа. Ее политические партии должны быть массовыми, исчисляться сотнями тысяч, миллионами. (...)

Сейчас у нас демократия без политической организованности общества. Народ распылен, и его политическая воля не имеет выражения. Создание этой организованности является первой, главной задачей каждого русского гражданина.

Он должен вступать в политические партии, принимать участие в их работе, создавать этим путем ту могучую силу, которая одна может удержать страну от гибели и анархии. Сейчас это его главная обязанность. (...)

Русский обыватель не вступает в политические партии по разным причинам. Отчасти действует то, что он вообще не привык к свободной политической жизни, для него это дело новое, необычное, неприятное, беспокойное. Но, с другой стороны, он нередко не может найти политических партий, отвечающих его мировоззрению, не обладая для этого решимостью. Нередко вступление в политическую партию грозит неудобствами в его повседневной работе или в его личных отношениях.

В грозный момент опасности все эти мелкие и крупные соображения должны отойти на задний план. Надо поступиться удобствами жизни, надо заставить себя принять решение. Надо единичными усилиями достигнуть коллективного решения, превратить толпу взбунтовавшихся и

испуганных рабов в организованное общество свободных граждан. Для этого — первый и единственный путь — вступление всех русских граждан в политические партии, создание этим путем политически организованного народа.

Никто не может отговариваться слабостью и незначительностью отдельного решения. В жизни все достигается и строится только из этих единичных усилий, в своем единении создающих великую и большую силу.

*(Обязанность каждого.
— «Речь», 3 мая 1917 года).*

2

«Единая неделимая Россия» не есть старый лозунг — это лозунг новый. Это не реставрация, как думают некоторые, это, как видно из программных заявлений и адмирала Колчака и генерала Деникина, есть воссоздание России — России новой, великой, свободной и демократической с прочно владеющим землею крестьянством. Такой России еще не было.

Одним из величайших, нами недостаточно оцениваемых благ, даваемых государством, является принадлежность наша к большому единому целому, к большому государству. Большое государство есть всегда явление в истории прогрессивное — а свободное большое государство дает такие возможности роста и влияния человеческой личности и такие удобства жизни, какие недоступны мелким формам государственности. По мере роста мировой культуры значение граждан великих государств будет все увеличиваться и их духовная жизнь достигнет максимально возможного размаха и широты проявления.

В сложном и свободном организме Британской империи и в федерации Северо-Американских Соединенных Штатов мы можем проследить все увеличивающееся значение колоссальных размеров этих государственных образований как для жизни отдельного лица, так и для духовного роста личности. Свободная новая Россия должна в мировой истории стать наряду с этими созданиями человеческой истории.

Лозунг обязывает. Единая неделимая

Россия создается не только победами над большевиками, но и строительством внутренней жизни. При ее создании должно охраняться и развиваться все, что не противоречит ее идее. Только этим путем идея упрочивается в жизни. В трудную эпоху перехода к новому строю после революционной разрухи и большевистского самодержавия в вихре быстрых решений могут не перейти в жизнь или получить нежелательное с точки зрения государственной идеи направление такие культурные начинания, которые создались в переходные эпохи, когда еще неясно было, что даст жизнь в окончательном итоге.

Несомненно, культурная широкая национальная работа, культура украинская или, как она называется в официальных приказах, культура малороссийская, вполне и целиком соединена с идеей единой и неделимой России и может найти в ее великих рамках полную возможность своего самого широкого проявления. Ибо по существу с формами национальной культурной жизни отнюдь не связаны неразрывно формы политического выявления народа, и идея самостоятельности есть новое создание в истории украинского национального возрождения, отнюдь не вытекающая из его существа и истории.

Борьба государственной власти с самостоятельностью очевидно не означает борьбы с культурной работой населения, которая должна невозбранно идти в рамках новой России.

Сейчас в чрезвычайно бедном культурными центрами Юге России имеется ряд живых учреждений, которые созданы в этот переходный период и теперь должны перейти в рамки новой жизни. Неужели они окажутся не отвечающими жизни в новой России? В чем можно найти противоречие между их работой и воссозданием единой неделимой России (?)

Мы имеем ряд таких живых центров в Киеве — Украинская Академия Наук, Всенародная (Национальная) Библиотека, при ней находящаяся, Украинский Геологический Комитет, Державный Украинский Университет в Киеве и такой же университет в Каменец-Подольске и т. д. Во всех них идет сейчас интенсивная научная работа, собран огромный материал для

будущего, собраны сотни тысяч книг — созданы такие культурные ценности, по отношению к которым всякая государственная власть во всякой стране должна принять меры к их сохранению, так как эти учреждения совершают работу не только для данной местности, но и для всего государства.

Для быстрого подъема страны необходимым подъем всех ее духовных и материальных сил, использование всех ее природных богатств. Знание и научно-исследовательская работа являются величайшими орудиями для достижения этой задачи. Нельзя забывать уроки недавнего прошлого, тот подъем научной работы в России при поддержке государства, который наступил после поражения 1915 года, шел в 1915—17 годах и привел к крупнейшим научным и практическим достижениям. Мы еще воспользуемся плодами этой работы при нашем воссоздании великого целого. Государство должно воспользоваться этими готовыми научными центрами, должно дать им разгореться, а не загаснуть. То, что они связаны с украинским национальным возрождением, должно считаться благоприятным условием с государственной точки зрения. Они послужат только к единению и сближению, к росту и выгоде и русской и украинской культуры. В них на почве единой работы, идущей одновременно для культуры украинской и для воссоздания единой великой России, только крепче свяжется с Россией украинская национальная жизнь.

Я знаю, что эти мысли во многом идут в противоречии с теми настроениями и лозунгами, которые часто слышишь кругом, но я верю, что будущее принадлежит не им — будущее не в русско-украинской распри, а в русско-украинском единении. И это единение есть залог воссоздания единой, великой, неделимой России.

*(Одна из задач дня.
— «Объединение» (Киев),
21 сентября 1919 года).*

3

Ужасом веет от недавно пережитого прошлого.

Люди, путем восстания захватившие

власть, проводили новый строй, идеальный строй, как они говорили, выработанный лучшими умами человечества.

Мы прошли крестный путь этого строя.

Основанный на неравенстве людей, он восстановил нам худшее прошлое. В XX веке мы пережили и состояние неполноправных граждан старых времен, и ужасы возрожденной к жизни инквизиции.

«В порядке осуществления красного террора» — история этой позорной фразы не забудет — в кровавых стенах большевистской инквизиции погиб известный ученый, профессор минералогии университета Святого Владимира П. Я. Армашевский.

Больной, почти 70-летний старик, давно отошедший от общественной жизни, был схвачен и домой не вернулся. Что пережил он перед смертью?..

До самых последних дней он жил своей научной работой; остались незаконченными труды его. Он излагал еще недавно планы того, что он думал довести до конца на склоне своей жизни. Ему не приходила в голову мысль о возможности его убийства. (...)

Вся жизнь его была посвящена науке. С этим должны были бы считаться его политические противники. Жизнь ученого слагается долгими годами подготовительной работы, и преждевременная смерть ученого всегда является потерей для культурного роста нации.

Но это сознание не могло найти места в среде, где отсутствовало уважение к человеческой личности.

Жертвой преступников законов Божих и человеческих мученически суждено было погибнуть Петру Яковлевичу. Нельзя забывать этого преступления. Не чувство мести оно должно вызвать в нас, но стремление к нравственному возрождению, духовный подъем в борьбе против возвращения пережитого ужаса.

*(памяти П. Я. Армашевского.—
«Объединение»,
9 сентября 1919 года).*

4

Прежде всего старая государственная форма России умерла и никогда не вернется. Мечтать о реставрации могут только

люди, абсолютно лишённые чутья реальной действительности. Но не вернется и старая форма русской интеллигенции. Она погибла в обломках революции, и это хорошо, ибо вина за многое, что совершилось и совершается, лежит на ней, старой русской интеллигенции. Никогда в истории не было примера, чтобы мозг страны — интеллигенция не понимала, подобно русской, всего блага, всей огромной важности государственности.

Не ценя государственности, интеллигенция, несмотря на длительную борьбу за политическую свободу, не знала и не ценила чувства свободы личности. Живя в огромном государстве, со столь же огромными естественными богатствами, интеллигенция совершенно не была связана с производительными силами страны, ничего не делая для развития этих сил.

И еще — русская интеллигенция была даже не атеистична, она была арелигиозна; она пыталась прожить, не замечая религиозных вопросов, замалчивая их.

Так было.

Но так не будет.

В огне и буре великой небывалой разрухи идет процесс не только борьбы материальных сил, но и процесс огромного внутреннего перерождения.

Только глухие и незрячие этого не замечают.

Новая интеллигенция — для новой России.

Новая Россия, будет ли она меньше в своих границах, чем раньше, как думают многие, или больше, как думаю я, — но она будет единой. Может быть, федеративной, может быть, с широкой областной автономией, но единой.

И новая русская интеллигенция будет понимать и ценить это единство. Новая интеллигенция отдаст свои знания, свои силы великой работе по развитию производительных сил государства.

Черты этой интеллигенции вырисовываются. Замечающийся сейчас интерес к религиозным вопросам, попытки возрождения реального православия является фактом громадной важности. Напрасно многие боются этого как симптома реакции и застоя.

Нет. История говорит нам, что человеческая мысль в области научного знания может постигать новое, а не топтаться на

одном месте, только если рядом с научным творчеством идет творчество широкое религиозное. И теперешнее религиозное движение в России таит в себе залог будущего расцвета русской науки.

(Русская интеллигенция и новая Россия. Доклад на съезде Таврической научной ассоциации. — «Таврический

голос»
(Симферополь),
9 ноября 1920 года).

5

Едва ли есть сейчас вопрос более ответственный, более глубокий и более требующий от нас вдумчивости и творчества, чем широко и глубоко поставленный вопрос о народном образовании.

Он велик даже в наше время, когда перед каждым вдумывающимся в окружающее человеком стали мучительно и властно все коренные вопросы бытия.

Ибо наше время — время крушения государства, полного развала жизни, ее обнаженного цинизма, проявления величайших преступлений жестокости, время, когда пытка получила свое этическое обоснование, а величайшие преступления, вроде Варфоломеевской ночи, выставлялись как идеал, время обнищания, голодания, продажности, варварства и спекуляции — есть вместе с тем и время самого искреннего, полного и коренного подъема духа. Это время, когда все величайшие задачи бытия встали перед людьми как противовес окружающим их страданиям и кровавым призракам. Сейчас каждый из нас должен искать устоев новых для жизни, проверить богов, которым он поклонялся, совершить в своей душе переоценку духовных ценностей.

Хочет или не хочет человек — он должен это сделать, так как он не может жить в рамках старого, покойной и тихой жизни нет, и уйти в квиетизм он не может — если только он не уйдет из своей страны и из среды своего народа.

Но те вопросы, которые сейчас в реальных формах стали перед человечеством, выходят за пределы одного народа — это вопросы вечные.

Я считаю неизбежно идущую кругом эту великую духовную работу величайшим делом и более сильной и важной чертой момента, чем все те события, кото-

рые нам, современникам, кажутся важными и первоочередными.

Будущее делается ими, и от того и другого духовного облика, выносимого нами из переживаемого, зависит окончательный результат мировой трагедии.

Не только реально материальные разрушения и перемещения богатств — но еще более реально духовные переживания. Страдания и разочарования, новые лозунги жизни, оживленные старые, старое, понятное наново, и новое, влившееся в старые рамки, — духовное переживание и освещение событий, их понимание и духовное восприятие их человеком более важно, чем становление материальных сил и элементарных страстей человека.

Меня не смущает, что сейчас те лица, в глуби духовной силы которых совершается сейчас огромная, невидная пока работа, как будто не участвуют в жизни. На виду большей частью не они, а другие лица, действия которых не обузданы духовной работой. Но все это исчезнет, когда вскрыется тот невидный во внешних проявлениях процесс, который является духовным результатом мирового человеческого сознания. Он зреет; время его придет, и последнее властное слово скажет он: а темные силы, всплывшие сейчас на поверхность, опять упадут на дно...

(Организация народного образования в новой России. Лекция на кооперативных курсах, 7 ноября 1920 года.—Архив АН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 45, л. 193)

6

В этих письмах к молодежи я коснусь некоторых из вечных вопросов жизни, которые сейчас в переживаемый трагический и великий момент истории стали перед человечеством и перед русскими в особенности с небывалой силой и в совершенно новом неведомом раньше виде.

События на нашей родине заставляют биться сердце, работать мысль, будят совесть. Жизнь вскрывается в таких своих глубинах, какие в течение поколений были скрыты от человеческого сознания. Трагичность судьбы миллионов людей, крушение векового государственного строя, бесконечный удел страданий, выпавших на долю людей, вне всякой соразмерности с их поступками и с их волевыми устремле-

ниями, миллионы погибших — иногда в невероятных страданиях — человеческих жизней, в том числе невинных детей и безвинных стариков, резкий переход от бедности к богатству и обратно, массовая гибель от голода побежденных и оргии богатства победителей — все это ставит перед нашей совестью, нашим сознанием, нашим разумом величайшие идейные проблемы. Ибо везде на фоне этой жизненной трагедии выступают и провозглашаются принципы жизни, которыми руководятся люди, ее созидающие. Ими оправдывается совершаемое, ими создается или рисуется то иное — лучшее — будущее, к которому должно привести крушение старой России, русская социальная и политическая революция со всеми ее ужасами и страданиями. И ими обуславливаются подвиги сознательного мученичества, высокого нравственного долга, святой или верной ярким идеалам жизни, которые всюду — среди людей противоположных идеалов — неизменно и постоянно проявляются — ростки будущего, всегда возрождающейся жизни.

Перед всеми неизбежно выступает искание и проверка идеала жизни, переоценка духовных ценностей, оправдание совершающегося, его понимание.

Глубочайшие вопросы личной жизни — вопросы морали, религии, социальной философии получают для всех то значение, которое в обычное время они имеют для немногих.

Они ярко выступают за внешними рамками преходящих политических и партийных программ, они составляют настоящее идейное содержание переживаемого момента.

И не только русские переживают этот глубокий нравственный и умственный кризис. Он коснулся всего мыслящего человечества. Трагедия русской революции многогранно преломляется во всей жизни всех стран и народов.

Я хочу коснуться в этих письмах этих вечных и основных вопросов, стоящих за пределами и в то же время составляющих основу политических поступков и политических или социальных программ. Они в действительности являются основными. И к ним должно быть направлено наше внимание.

(Письма к русской и украинской молодежи. Наброски, июнь 1924 года.—Архив АН СССР, ф. 518, оп. 1, д. 220).

Будущее в молодости — той, которая сумеет отойти от тины современности, сумеет взглянуть в будущее на основе свободной мысли.

Нет ничего сильнее свободной мысли и ничего ужаснее ее угнетения.

Обратиться ко всей молодежи — белой и красной, русской и украинской. Будущее — одно общее надо строить им вместе.

Два великих события в жизни человечества:

Ленин — Ульянов в России
Ганди в Индии

В одном насилии, цель оправдывает средства, убийства и кровь. Разорение страны. Миллионы смертей. Каннибализм — массовые самоубийства.

Глубокая связь с идеалами русской истории — вольница, разинщина, пугачевщина, гайдамачина. Отсутствие уважения к человеческой личности — идея неравенства, диктатуры одних над другими.

Подавление человеческой личности для блага избранных.

Жестокость и безразличие.

Непризнание свободы веры, свободы мысли, свободы исканий.

Борьба с религией и в то же время все формы разврата: цель оправдывает средства — макиавеллизм в политике.

Нет ничего сильнее идеи.

Идеи социализма и коммунизма сохранили форму — потеряли всякое содержание.

Стоит ли жить для жизни сытых скотов?

Искание новой религии.

Наука — величайшая сила. Она дает общую спайку человечества. Но она по самой сути своей не может дать полного представления о жизни. Она не может заменить ни религии, ни искусства.

Западная цивилизация с ее материальной культурой не есть уклонение в сторону от идеального строя.

Материальная цивилизация человечества есть космический процесс в истории земли. Она есть такое же проявление живого, как и его само существование на нашей планете.

Человечество будущего — автотрофное.

Прогресс в пределах человечества едва ли существует. Платон или создатели древней индусской цивилизации, Аристотель и ионийские греки две тысячи лет (тому назад) — равны современным высшим проявлениям человечества.

Но Homo neanderthalensis — несомненно ниже современного человека. И будущий Homo autotrophus не будет равен нынешнему.

Физическое изменение структуры тела будет столь же малое.

I. Необходимость единения и взаимного понимания русской молодежи — русской и украинской.

II. Основа — свободная, искренняя мысль. Уважение к человеческой личности.

Довольно крови и страданий.

III. Куда пойдет человечество: Ульянов и Ганди

IV. Полнота развития человеческой личности. Общая всем обязательность науки. На этой почве бесконечное разнообразие религиозного, философского, художественного творчества.

V. Будущее России и ее идеалы. Евразия.

VI. Борьба против фетишизма, диктатуры и кровавого варварства.

VII. Идеал человечества. Материальная культура как неизбежный путь к созданию новой формы живого существа — автотрофного человечества.

(Там же)

Публикацию подготовили
Перчёнок Ф.Ф. и Рогинский А. Б.

ВРАЧИ МИРА В БЛОКАДЕ

Врачи «Скорой помощи» оказывают ее всем — без различия пола, возраста, национальности или гражданства. Кроме национальных служб «скорой», есть и международные ее организации. Сейчас в нашей стране, в Армении, работают специалисты международной неправительственной организации «Врачи мира», штаб которой расположен во Франции, а филиалы в Испании, Бельгии, Швейцарии и Польше. С нашим корреспондентом встретились сотрудники этой организации, граждане Польши, Беата ОСИПЯК, фармацевт, и Яцек ВЕТЕСКА, врач.

— *Какие виды помощи оказывает ваша организация?*

— «Врачи мира» готовы при первой необходимости выехать в любую точку земного шара, где произошли катастрофы или начались эпидемии, чтобы оказать людям все виды современной медицинской помощи. Специальные автобусы, грузовики с оборудованием и медикаментами, а также обученные врачи пересекают границы без виз и работают до тех пор, пока есть потребность в их услугах. Работают бесплатно первые три месяца, и лишь при больших сроках получают минимальные стипендии.

Кроме того, организация при необходимости объявляет сбор пожертвований в виде лекарств, одежды, продуктов питания и медицинского оборудования, которые пакуются и отправляются в места, где есть в них потребность.

— *Какие места приложения своих усилий видят «Врачи мира» в СССР?*

— Нас в первую очередь сейчас интересуют районы, пострадавшие от взрыва реактора на Чернобыльской АЭС. По нашим сведениям, население этих районов, особенно в Белоруссии и РСФСР, нуждается в лекарствах, витаминах, продук-

тах питания, средствах защиты от радиации и, особенно, в квалифицированной медицинской помощи для лечения последствий облучения. Мы готовы немедленно провести исследовательские работы для того, чтобы определить масштабы необходимой помощи и подготовить средства для ее осуществления. Кроме того, мы готовы объявить сбор пожертвований и пересылку пожертвований в СССР.

— *Какие трудности вы испытываете в своей деятельности, какие проблемы возникают?*

— В первую очередь возникли проблемы отношений с государственными службами здравоохранения. Нам хотелось бы, чтобы получателем помощи в СССР была неправительственная общественная организация, в адрес которой мы будем пересылать лекарства и оборудование. Сотрудники этой организации на общественных началах займутся разработкой и классификацией полученных медикаментов и средств и распределением их непосредственно нуждающимся людям. Обычно мы открываем сеть бесплатных аптек, в которых люди получают необходимые им лекарства. Однако в СССР созданию таких общественных аптек препятствуют государственные службы здравоохранения. Кроме того, зная визовый режим на государственных границах СССР, мы не уверены, что машины с оборудованием и людьми будут пропущены в СССР. Мы не понимаем, почему для оказания скорой медицинской помощи больным необходимо разрешение государства? Такого нет ни в одной стране мира. Это мы знаем точно, потому что работали в Чили и Вьетнаме, в Анголе и Афганистане, в Никарагуа и в странах тропической Африки.

— *Когда бы ваша организация могла начать осуществлять помощь?*

— Мы готовы приступить к исследовательским работам хоть завтра. Машины с оборудованием и врачи-исследователи подготовлены и ждут только возможности начать действовать. Сбор пожертвований и пересылка медикаментов и продуктов первой необходимости займет несколько дней, может быть, недель. Проблема

только в том, что нет общественной организации, которой мы могли бы доверить, при условии нашего контроля, получение и распределение всего необходимого для жителей зараженных радиацией районов. Лечащие врачи могут прибыть немедленно и приступить к работе без всяких предварительных условий.

(окончание со стр. 19)

ухмыляющиеся толпы на сеансах Кашпировского.

И на этот раз борьба живых людей с гипнотизерами, как и прежде в истории, не будет легкой борьбой с преопределенным исходом. Меньшинство уже знает, чего ему ждать, когда большинство окончательно уснет. Образованным человеком в России является тот, кто знает, что, оставив политику лакомкам, а толпу — демагогам, он поставил на кон шкуру собственного ребенка. Не станем забывать, что гимном наци был «Хорст Вессель», — а этот самый Хорст Вессель был молодой задира, немецкий неформал, погибший от рук баварских милиционеров.

* * *

Чем дальше, тем определенной я чувствую поразительную нашу недооценку самих себя. Мы не боимся себя не оттого, что мы смелые, но оттого, что сами себя не уважаем. А не уважаем оттого, что считаем себя простыми парнями, — чего тут, собственно, уважать? Действовать надо, смелей идти вперед!

«Вся власть Советам» — повторяют, не

додумывая, старинную клятву. Но клятвы не грех проверять. Любителям кричать «ура» надо напомнить, что «ура» — это «смерть» по-татарски. Как под лозунгом «вся власть Советам» бороться за разделение властей?

Вся власть? Нет уж, конечно, не вся.

Власть над человеком — никому. Никому, кроме его самого.

* * *

Не будет никогда последнего шага в хорошо управляемый рай. Последним шагом неизменно завладевает сатана — и можно говорить о соблазне, о лжи последнего шага.

Нам не дано однажды шагнуть в Утопию. Но мы можем и должны выйти в такое человеческое состояние, где мука и тоска утопий отпустят нас — как отпускает, став только памятью и судьбой, старинная неудавшаяся любовь.

Нам еще долго, долго спорить между собой, разбираясь, что же с нами произошло. Мы сто лет еще будем разбираться в собственном прошлом, — но эти сто лет мы еще должны себе дать.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Бюллетень „Век XX и мир“ № 1 (на русском языке), ежемесячный.

Напечатано в СССР. Типография изд. АПН, 107005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Сдано в набор 15.11.89. Подписано в печать 04.12.89.

Заказ 612. Объем 2 п. л.

Отпечатано в типографии № 6. Тираж 202 000 экз.

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

□ ВЕК XX И МИР □

□ XX CENTURY AND PEACE □

□ LE XXe SIECLE ET LA PAIX □

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

